

СТАТЬИ

УДК 94(47+57).027

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.698-725

ПОСЛЕДНЯЯ КАМПАНИЯ И СМЕРТЬ ДЖЕБЕ-НОЙОНА¹*Стивен Поу*

*Центрально-Европейский университет
Будапешт, Венгрия
Pow_Stephen@phd.ceu.edu*

Цели: несмотря на важность Джебе-нойона в основании империи Чингиз-хана, он остается призрачной фигурой, и все еще существует большая неопределенность в отношении времени и обстоятельств его смерти. Параллельно с предоставлением обзора его происхождения и военной карьеры, как они запечатлелись в источниках, главной целью исследования является определить, когда и как погиб Джебе-нойон. То есть его целью является найти указания в источниках, которые объясняют исчезновение его упоминаний после 1223 года.

Материалы исследования: в исследовании был учтен широкий спектр первичных источников Средневековья разнообразного происхождения. Наиболее важными из них были «Новгородская» и «Галицко-Волынская» летописи, предоставляющие больше всего подробностей о последней кампании, в которой, как доподлинно известно, принял участие Джебе-нойон. Две биографии из «Юань ши» были рассмотрены в поисках дополнительных деталей. Также были проанализированы персидские (Джувейни, Рашид ад-дин), арабские (Ибн ал-Асир) и кавказские («Грузинская летопись») источники вместе с мнениями многочисленных историков, выраженными в исследовательской литературе.

Результаты и новизна исследования: главным открытием исследования является то, что «Новгородская Первая летопись» описывает гибель Джебе-нойона за неделю до битвы на Калке. Это утверждение выдвигается впервые, поскольку ранее было распространено мнение, что Джебе умер после его мнимого возвращения в Монголию. Другим важным открытием является то, что первичные источники не подтверждают мнения о том, что кампания Джебе и Субедея вокруг Каспия в 1221–1223 годах была всего лишь разведывательным набегом: источники скорее склонны свидетельствовать, что их главной целью были завоевания.

Ключевые слова: Джебе, Монгольская империя, кыпчаки, средневековая Русь, битва на Калке, Чингиз-хан, Золотая Орда, летописи Руси

Для цитирования: Поу С. Последняя кампания и смерть Джебе-нойона // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 698–725. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.698-725

¹ Перевод с английского Романа Хаутала и Дилрабо Тошевой.

Впервые статья опубликована на английском языке издательством Cambridge University Press. Данная статья распространяется на условиях открытого доступа по некоммерческой лицензии Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), которая предусматривает некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии корректного цитирования оригинала работы. На условиях расширенного доступа опубликовано 29 декабря 2017 г.

Цитирование оригинала статьи на английском языке: Pow S. The Last Campaign and Death of Jebe Noyan // Journal of the Royal Asiatic Society. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2017. Vol. 27. Is. 1. P. 31–51.

THE LAST CAMPAIGN AND DEATH OF JEBE NOYAN²*Stephen Pow**Central European University**Budapest, Hungary**Pow_Stephen@phd.ceu.edu*

Research objectives: Despite Jebe Noyan's importance to the establishment of Chinggis Khan's empire, he remains a shadowy figure, and much uncertainty still exists on when he died, and in what circumstances. While also providing an overview of his background and military career as it is recorded in the sources, the main objective was to discover when and how Jebe Noyan died. That is, the aim was to find clues in the sources that help make sense of his disappearance from records around 1223.

Research materials: A diverse range of primary sources originating from a variety of medieval societies was consulted. The most important sources were the Russian Novgorod and Galicia-Volhynia Chronicles which offer the most detail on the last campaign that we know Jebe participated in. Two biographies from the Yuan Shi was consulted for additional details. Persian sources (Juvaini, Rashiduddin), Arabic sources (Ibn al-Athir), and Caucasus sources (the Georgian Chronicle) were also explored, along with the views of a number of scholars in secondary literature.

Research results and novelty: The main finding is that the Novgorod First Chronicle appears to describe Jebe Noyan's death roughly a week before the Battle of the Kalka. This is a novel argument as Jebe is widely thought to have died after his putative return to Mongolia. Another important finding is that the primary sources do not support the view that Jebe and Sübe'etei's 1221–1223 campaign around the Caspian Sea was an exploratory raid; rather they tend to record that the objective was conquest.

Keywords: Jebe, Mongol Empire, Kipchaks, Medieval Russia, Battle of the Kalka, Chinggis Khan, Golden Horde, Russian Chronicles

For citation: Pow S. The Last Campaign and Death of Jebe Noyan. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 698–725. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.698-725

После своего подчинения Чингиз-хану в 1201 году Джебе стал одним из выдающихся полководцев рождавшейся Монгольской империи вплоть до своей смерти, которая, по предположению современных исследователей, имела место в 1223 году или вскоре после этого [7, p. 265]. Это тот момент, после которого Джебе по существу исчезает из исторических упоминаний. Что делает его исчезновение особенно странным, это то, что оно произошло вскоре после того, как он добился одного из самых известных военных успехов всего средневекового периода, командуя довольно небольшими монгольскими силами в то время, как они продвинулись на тысячи километров через

² Originally published by Cambridge University Press. This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), which permits non-commercial re-use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. Advance Access published on December 29, 2017.

For original publication: Pow S. The Last Campaign and Death of Jebe Noyan. *Journal of the Royal Asiatic Society*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2017. Vol. 27. Is. 1, pp. 31–51.

Иран и Кавказ. Его армия выигрывала сражения и брала враждебные города на своем пути к разгрому и подавлению объединенных сил кыпчаков и русских на реке Калке в мае 1223 года. Остатки сил Джебе после этого, видимо, присоединились к Джучи (старшему сыну Чингиз-хана) в Волго-Уральском регионе прежде, чем вернуться в Монголию [5, p. 10–11]. Можно представить, что после такого военного успеха блестящий полководец должен был стать объектом настолько живейшего интереса, что вне зависимости от того, пережил ли он военную кампанию или же умер в ее ходе, любой последующий этап его карьеры или природа его смерти заслуживали бы упоминания. Исследователи оказались в некоторой растерянности в связи с неясностью исторических сведений о конечной судьбе Джебе³. Вследствие этого, хотя мы признаем, что он был одним из самых важных военных лидеров в первые десятилетия существования Монгольской империи, он как правило остается объектом относительно многословных сносок и коротких энциклопедических статей⁴. Настоящая статья, однако, выдвигает утверждение, что исторический материал XIII века на самом деле указывает, как умер Джебе, и он просто оказался до сих пор незамеченным. После описания контекста проблем, которые встречаются в источниках в особенности в отношении к Джебе, и краткого очерка его жизни и карьеры, я представлю один синхронный отчет о его смерти, различные элементы которого находят подтверждение в ряде источников XIII и XIV веков. Цель данного исследования является ограниченной: оно не анализирует исчерпывающим образом русские и китайские изыскания, которые касались монголов. Но это является простительным, поскольку, насколько я смог установить, не существует ни одного исследования ни на одном языке, которое рассматривало бы личность и судьбу Джебе-нойона в качестве специфичной темы⁵. Я, однако, уверен, что дальнейшее исследование главного вопроса, анализируемого в данной статье, – которая заостряет особое внимание на сложностях историографии Монгольской империи, – могло бы извлечь в дальнейшем только пользу из работ и отзывов российских и китайских специалистов.

³ Поль Д. Бьюэлл утверждает, что Джебе либо умер естественной смертью или был убит, но точная дата его смерти является неопределенной [13, p. 257]. Издатели китайских источников обращают внимание на их противоречивую информацию в отношении того, когда умер Джебе [32, s. 41]. В одном подстрочном примечании Джон Бойль утверждает, что Джебе «исчезает из истории» после западной кампании. Субедей, с другой стороны, продолжил знаменитую в дальнейшем и хорошо задокументированную карьеру после того, как он принял участие в кампании и вернулся в Монголию [10, p. 143].

⁴ Энциклопедические статьи о Джебе у Бьюэлла и Этвуда, упомянутые выше, характерны в своей краткости. См. многословное подстрочное примечание о Джебе в: [34, p. 155–156].

⁵ Приходом к этому заключению я очень многим обязан Иштвану Вашари (университет Этвёша Лоранда) за его консультацию по исследовательской литературе на русском языке. Я также хочу выразить благодарность за его отзыв на всю статью в целом и особенно за критическую оценку ключевого филологического момента, на котором основывается мое утверждение. Я выражаю благодарность как Цзинцзин Ляо (Пекинский Педагогический университет), так и Чжесин Сю (Зальцбургский университет) за консультацию и поиск релевантной литературы на китайском языке.

Лакуны и пропуски: проблемы материала источников по Джебе-нойону

Широко признанным фактом является то, что объединению степи и последующему росту Монгольской империи после 1206 года главным образом способствовали стратегические способности таких полководцев, как Джебе. Пауль Ратчевский отмечал, что победы Чингиз-хана над самыми могущественными государствами Азии в первые годы существования империи не могут быть полностью приписаны превосходству монгольской конницы или использованию таких степных тактических приемов, как притворные отступления, которые на самом деле не были чингизидским нововведением. Скорее, его успехи часто были следствием его склонности назначать людей в верховное командование на основе проявленных способностей, а не происхождения, что способствовало выдвижению опытных и преданных офицеров, которые были обязаны хану своим продвижением. Указывая на трех из самых выдающихся полководцев Чингиз-хана, Ратчевский утверждал, что во вражеских лагерях Хорезма и династии Цзинь не было таких блестящих и исполнительных руководителей, как Мухали, Субедей или Джебе [37, р. 170–171]. Тем не менее, когда редакторы биографического перечня личностей Монгольской империи и династии Юань – «На службе у хана» – решили включить в него Мухали и Субедея, они не представили биографии Джебе. Его исключение может показаться неоправданным⁶. Редакторы указывают на то, что вклады Мухали и Субедея были настолько велики, что их потомки продолжали оставаться частью правящей элиты на протяжении всего монголо-юаньского периода, но то же самое может быть сказано и в отношении потомков Джебе. Рашид ад-дин, чиновник и историк Ильханата, замечал, что брат Джебе и его сыновья, племянники и сыновья племянников были военачальниками в Ильханате в его время. Один из представителей рода Джебе был наместником в правление Угедея, и его родственники все еще оставались «на данный момент» важными фигурами на службе у Юаньского государства Хубилай-хана [38, р. 207–211; 43, р. 110–111].

Если о значении Джебе помнили долгое время после его смерти, мы можем быть уверены в том, что оно признавалось в не меньшей степени в течение его жизни. В 1221 году Чжао Хонг, эмиссар династии Сун, посетил монгольский двор и встретился с Мухали, исполнявшим функции гуо вана или правителя в то время, когда Чингиз-хан вел войну против своих хорезмийских врагов в тысячах километров на западе. Эмиссар закономерно сделал заключение, что Мухали был вторым самым могущественным человеком в империи, так как хан наделил его королевским титулом и поручил ему верховное командование военными операциями против династии Цзинь. Однако, по оценке Чжао Хонга, Джебе был приблизительно сопоставим с доподлинным правителем, пользуясь третьими по степени верховенства полномочиями в формирующейся империи: среди приближенных Чингиз-хана ему было поручено командование над его ударными войсками [32, s. 35].

⁶ Редакторы или авторы этого сборника избрали Мухали и Субедея как двух представителей «четырех коней» и «четырех гончих псов» Чингиз-хана, утверждая, что оба служили примером блестящего таланта государственной деятельности и военных способностей соответственно, и будучи таковыми, были «подлинными звездами монгольских завоеваний» [16, р. XVII–XVIII].

То, что Джебе, считавшийся одним из самых высоких должностных лиц государства в 1221 году, внезапно исчезает из источников всего лишь несколько лет спустя, представляется мистерией. Действительно, фрагментарный характер материала по Джебе, как кажется, делает его лицом, неподходящим для полноценного биографического очерка. Хотя его молниеносная кампания вглубь вражеской территории на протяжении 1220–1223 годов с кульминацией в битве на Калке представляет исходный материал для главных тематических исследований военной истории, мало что известно о Джебе как личности: в первичных источниках попросту имеется слишком много лакун, в особенности в отношении его смерти или какой-либо деятельности после столкновения на Калке. В немалой степени это связано с отсутствием биографии Джебе в «Юань ши», истории династии Юань, составленной в XIV веке на основе официальных записей. Такие военачальники сравнимой важности в правление Чингиз-хана, как Мухали, Субедей, Боорчу и Борохул, удостоились стать объектами биографий. Характерно, что мы также находим биографию некоего Измаила, в некоторой степени загадочного подчиненного Джебе. Этот материал предоставляет нам некоторую информацию о них обоих, но очевидно, что Джебе не был удостоен отдельной биографией [41, р. 2969–2973]⁷. Конечно, это может быть просто следствием недосмотра составителей «Юань ши»: среди 24 официальных династических историй «Юань ши» известна своим поспешным составлением, ошибками и незавершенностью [13, р. 290]. Какова бы ни была причина, его опущение способствовало тому, что Джебе остается призрачной фигурой. Это может компенсироваться в определенной степени описанием этого военачальника и членов его рода, предоставляемым Рашид ад-дином. Однако сразу же за детальной информацией о «убийствах и грабежах» русских в 1223 году этот автор прекращает говорить о какой-либо дальнейшей деятельности, предпринятой самим Джебе [38, р. 210; 43, р. 110]. Данное исследование теперь коротко изложит деятельность Джебе-нойона вплоть до его очевидно финальной кампании, прежде чем представлять свидетельство конкретных обстоятельств его смерти: все это должно позволить нам составить более полное представление об этой важной исторической личности.

Жизнь и военные кампании Джебе-нойона до 1223 года

Изначально Джебе звали Джиргоадам, когда, будучи членом племени Бесут, он сражался на стороне Тайджиутов в качестве их подчиненного. Они были одними из самых ранних и злейших врагов Темуджина, будущего Чингиз-хана, в войне за господство над монгольскими степями. После их решающего поражения в 1201 году Джиргоадай оказался в руках Темуджина. «Сокровенное сказание монголов» сообщает нам, что, когда Темуджин потребовал узнать, кто убил его лошадь в предыдущем сражении, пленник признался в своей вине, но также отметил, что, если бы он был казнен, его смерть не принесла бы никому пользы. Если же, однако, его пощадили бы, он

⁷ Должностное лицо, о котором идет речь, вполне правдоподобно звалось Измаилом; в китайской передаче ‘曷思麦里’.

стал бы верным слугой. Прямота пленника произвела впечатление на Темуджина, заявившего, что такой человек был достоин того, чтобы стать его спутником, и он переименовал его в Джебе в ознаменование этого инцидента [17, р. 68–69]. Эта была игра слов, где имя «Джебе» означало либо оружие, либо стрелу [17, р. 68–69; 34, р. 156]. Сообщение Рашид ад-дина несколько отличается от этого. В его версии Джебе бежал при поражении Тайджиутов и стал блуждающим изгнанником, но в конечном счете последователи Темуджина случайно натолкнулись на него. Боорчу преследовал его на лошади, которая принадлежала будущему хану, но Джебе удалось убить животное стрелой перед бегством. Спустя несколько дней он обратился из безысходности к Темуджину с просьбой сохранить ему жизнь и обещал предоставить своему новому хозяину множество лошадей мышастой (серой) масти в качестве компенсации за ту, которую он убил [38, р. 208; 43, р. 109–110]. Ратчевский высказал мнение, что этот менее точный рассказ, вероятно, более соответствовал реальности [37, р. 64].

Вне зависимости от точности деталей, источники сходятся в том, что Джебе присоединился к Темуджину после того, как сдался ему и получил прощение. Получив сначала под свое командование десять человек, он был повышен в звании во главе сотни человек, потом – тысячи, и наконец – тумена (десяти тысяч человек) [38, р. 207–208; 43, р. 110]. Таким образом, он поднялся из преследуемого беглеца до видного нойона – знатного военачальника. В 1204 году он исполнял ту задачу во главе передовых военных частей, которая стала характерной для него в дальнейшем, продвигаясь с конным дозором, чтобы разведать найманских противников Темуджина, и столкнувшись с их передовыми подразделениями [17, р. 115]. По «Сокровенному сказанию», найманский хан спросил, кто были те люди, гнавшиеся за его дозором, и получил ответ, что это были «четыре гончих пса» – Джебе, Субедей, Джелме и Кубилай [17, р. 118–119]. Кажущееся поэтическим приемом, это «псиное» название было подтверждено официально в 1206 году, когда Темуджин, объединивший степь, собрал вместе монгольские племена и провозгласил себя Чингиз-ханом. Распределяя почести среди своих верных слуг, он назначил Джебе одним из 95 командующих подразделениями из тысячи человек и признал его одним из своих «четырех псов», которые оказались перед этим незаменимыми в разгроме его соперников [17, р. 142]. По-видимому, ни один из военачальников не был уполномочен в 1206 году руководить числом воинов, превышающим тысячу. Однако Чингиз-хан, вероятно, дал Джебе и Субедею – еще одному из «четырех псов» – особое позволение превысить это число [17, р. 133–134, 151].

С расширением военных действий Чингиз-хана из монгольских степей на просторы евразийского континента Джебе продолжил исполнять роль неутомимого и похожего на «гончего пса» преследователя врагов хана. Гонясь по следам меркитских беглецов, бежавших из монгольских степей, Джебе привел военные силы монголов в землю уйгуров, чей правитель быстро подчинился власти Чингиз-хана в 1209 году. Некоторые бежали дальше на запад после того, как Джебе их разбил, но в конечном счете Субедей настиг их вместе с меркитскими беглецами и уничтожил их в земле канглов в восточной Кыпчакской степи [5, р. 9; 43, р. 226; 16, р. 15]. Когда в 1211 году Чингиз-хан отправился на войну с превосходящими силами династии Цзинь в Северном

Китае, именно авангард Джебе захватил Цзюйюнский перевал, позволив монгольским силам вторгнуться на китайские территории. Согласно «Юань ши», это стало возможно благодаря изменническому соучастию цзиньского генерала. Но согласно «Сокровенному сказанию», Джебе притворным бегством выманил цзиньские силы с выгодных оборонительных позиций, прежде чем внезапно атаковать их [17, р. 175; 37, р. 110]. Рашид ад-дин и «Сокровенное сказание» сходятся в описании стратагемы, примененной позже Джебе для захвата восточной цзиньской столицы Дунцзин (современный Ляоян). После неудачного приступа он быстро отошел от него (на расстояние шести или десяти дней пути), так чтобы внушить оставшимся в городе обманчивое чувство безопасности. Сократив поклажу до минимума, его кавалерия повернулась в обратном направлении и стала продвигаться днем и ночью, время от времени ведя лошадей под уздцы, в направлении к Дунцзину. Появившись из ниоткуда, они набросились на неподготовленных защитников [17, р. 175–176; 38, р. 210–211; 43, р. 111].

В то время как война против Цзинь затянулась, Джебе был направлен на запад в погоню за беглецами из степи. Их возглавлял Кучлук, найманский принц, бежавший ранее от Чингиз-хана после поражения своего отца в 1204 году. В конце концов он узурпировал власть в империи кара-китаев и правил в ней к тому моменту, когда Джебе внезапно прибыл туда во главе 20 тысяч человек в 1217 году. Монгольские силы разбили Кучлука, снова пустившегося в бегство, пока он наконец не был пойман и убит подчиненным Джебе, Измаилом, в 1218 году [13, р. 18]. Провозгласив распоряжение Чингиз-хана о свободе религий, Джебе рассматривался освободителем повсюду в прежних владениях кара-китаев, избавившим главным образом мусульманское население от владычества буддистского идолопоклонника. По приказу Джебе Измаил возил по всему региону голову Кучлука, и кара-китаи вскоре были приведены к покорности монгольской власти [41, р. 2969; 9, р. 402–403; 37, р. 119].

Джебе быстро подчинил монгольской власти остатки этой территории, и распространившийся слух о его власти и успехе вызвал явное подозрение у Чингиз-хана. Не стоит забывать, что Джебе был когда-то его противником, и Чингиз-хан не терпел конкурентов для своей власти. Рашид ад-дин сообщает, что Чингиз-хан отправил тогда послание Джебе, предостерегая его от самонадеянности, поскольку это чувство погубило его противников, включая Кучлука. Джебе вернулся из завоеванного региона, привезя в подарок тысячу мышастых лошадей с белыми ртами, похожими на ту, которую он убил, когда был врагом Чингиз-хана [38, р. 208; 43, р. 110]. Этим впечатляющим и безмолвным выражением лояльности Джебе, вероятно, положил конец подозрениям, поскольку, когда в этом же году началась война с Хорезмийской империей из-за расправы над купцами Чингиз-хана в Отраре, он продолжил играть ведущую роль в военных операциях.

«Сокровенное сказание» сообщает, что в то время, когда в 1219 году основные силы Чингиз-хана продвигались против хорезмийских городов, главным образом расположенных вдоль Сырдарьи и Амударьи, Джебе, исполняя характерную для него «авангардную» роль, был направлен вглубь вражеской территории в погоню за шахом Мухаммедом II. Субедей был послан на по-

мощь Джебе, и Токучар последовал в помощь Субедею [17, р. 189–191]⁸. С этого момента вплоть до внезапного исчезновения из источников около 1223/24 года он, как представляется, выступал в роли главнокомандующего кампанией, увлекшей в конечном итоге монгольские силы через Персию и Кавказ в Кыпчакскую степь и к границам княжеств Руси. По сообщению Рашид ад-дина, Джебе направлял Субедея с войсками перед началом битвы, что предполагало существование иерархии. И современные историки видят в Джебе вероятного предводителя [38, р. 209; 43, р. 110; 13, р. 170]. В 1220 году, после скорого падения нескольких городов и гарнизонов, оборона Хорезма обрушилась ошеломляющим образом, и шах Мухаммед бежал за Амударью в сторону Ирана с Джебе и Субедеем, следовавшими по его горячим следам. В конце концов он нашел убежище на одном острове в Каспийском море, где он умер в конце 1220 года, подавленный падением его огромной империи и потерей своих последователей. Преследование было настолько неумолимым, что султан в определенный момент оставил остров, решив перебраться на более безопасный в тот момент, когда воины Джебе прибыли на его берег в его поисках [38, р. 521; 43, р. 252]. С этой победой Джебе загнал до смерти уже второго правителя другой империи, и, вероятно, он должен рассматриваться как самый эффективный военачальник Чингиз-хана. Несомненно, гибель Хорезмшаха должна была сыграть немаловажную роль в развале сплоченного сопротивления на его прежних территориях в Хорасане и Средней Азии.

Вместо того, чтобы остановиться или вернуться обратно, Джебе и Субедей продвинулись на север вдоль Каспийского моря в Кыпчакскую степь, далеко оторвавшись от других монгольских сил. Согласно биографии Субедея в «Юань ши», он был тем, кто предложил осуществить эту экспедицию, запросив и получив разрешение завоевать кыпчаков от Чингиз-хана [41, р. 2976; 11, р. 297]. Сообщения Рашид ад-дина относительно побуждения к этой экспедиции отличаются от этого. Он утверждает, что Чингиз-хан дал приказ вторгнуться в Кыпчакскую степь уже тогда, когда он отправлял Джебе в погоню за Хорезмшахом [38, р. 517; 43, р. 249]. Однако другой отрывок, очевидно излагающий содержание послания, отправленного Джебе и Субедеем хану, предполагает, что они получили повеление вернуться в Монголию через несколько лет, но могли по своей воле завоевать за это время столько земель, сколько смогли бы, и это означает, что хан дал им чрезвычайно неопределенные директивы, как они должны были вести предстоящую кампанию [38, р. 531; 43, р. 258]. Также не ясно, насколько большие войска были в их распоряжении. Джузджани, враждебный синхронный автор, обосновавшийся в султанате Дели, предполагает, что у Джебе и Субедея было 60 тысяч воинов, по крайней мере, когда они начали преследование Хорезмшаха [23, р. 171; 39, р. 987]. Ан-Несеви, бывший приближенным сына Хорезмшаха и принявший участие в борьбе с монголами, сообщает, что два военачальника располагали 30 тысячами воинов при отправлении. Это число совпадает с указанным Рашид ад-дином, и поэтому оно, вероятно, является более точным [30, р. 67; 25, р. 75. См. оценку Рашид ад-дина в: 43, р. 148, 150]. Согласно сообщению армянского клирика Вардана Аревелци, они насчитывали 20 тысяч, когда вторглись на Кавказ и сражались с грузинами в 1221 году, и при

⁸ Успех Джебе в исполнении этой операции заслужил похвалу Чингиз-хана.

своим возвращении на следующий год они обогнули Армению и Грузию, чтобы избежать столкновения с большим числом скопившихся там врагов [44, р. 213]. Могло быть и так, что у них было 30 тысяч воинов, когда они начали погоню за шахом, но они были вынуждены сделать это без тумена Токучара (которому ранее было поручено взаимодействовать с ними) после того, как тот был убит при осаде Нишапура в ноябре 1220 года⁹. В любом случае, попытка оценить точную численность войск под командованием Джебе и Субедея в 1221–1223 годах кажется практически бесполезной, поскольку они были вовлечены в постоянные столкновения с вытекающими из них потерями в составе. Они также часто пополнялись пленниками и вспомогательными войсками тех, кто им подчинялся¹⁰. Враждебный синхронный автор Ибн ал-Асир сообщает, что по мере того как эти монголы продвигались на запад, большое число мусульманских и неверных воинов примыкало к ним, включая «смутьянов, стремившихся к грабежу и бесчинствам» [40, р. 213].

На мой взгляд, можно сказать с уверенностью, что популярная в современных исследованиях тенденция называть кампанию Джебе и Субедея «набегом» или «разведкой боем»¹¹ противоречит утверждениям источников. Упомянутое выше сообщение Рашид ад-дина о послании двух монгольских военачальников хану отображает их намерение осуществить завоевание как можно большего числа регионов в течение нескольких лет до возвращения в Монголию [38, р. 531; 43, р. 258]. Враждебные и симпатизирующие монголам сообщения также свидетельствуют, что они убивали тех, кто им сопротивлялся, но назначали префектов в те города, которые им подчинялись, как они сделали это в Хамадане, восставшем позже из-за тяжести налогообложения [40, р. 218; 7, р. 521]. Синхронный автор Джувейни, симпатизировавший монголам, ясно указывал на то, что они подчинили, помимо других городов, Тебриз и Нахичевань по мере продвижения через Кавказский регион, и что они вернулись на короткое время в Иран, чтобы уничтожить тех, кто сверг недавно назначенных наместников. Они также планомерно вручали письма с официальными печатями (тамги) местным подчинившимся правителям [36, р. 209, 228; 10, р. 148, 173]. То, что им не удалось подчинить весь регион, было менее всего связано с намеченными целями, а было в большей степени следствием очевидно недостаточного числа войск в распоряжении Джебе и Субедея для исполнения этой задачи наряду с упорным сопротивлением и предрасположенностью к восстаниям местного населения. В подобной ситуации военачальники нередко должны были довольствоваться грабежом и расправой, чтобы по крайней мере устранить сопротивление в будущем.

⁹ Игорь де Рахевильц рассматривает отчет Джувейни об этом инциденте и противоречивые сообщения о роли Токучара в этой кампании: [17, р. 940–941. См. также: 22, р. 241].

¹⁰ См. утверждения переводчика Джузджани в примечаниях в отношении прибытия подкреплений: [39, р. 995].

¹¹ Тенденция полагать, что цели этой западной экспедиции не были такими, как их описывали доступные источники, присуща как популярным, так и академическим монографиям. См. примеры в: [20, р. 89]. Данный автор представляет эту кампанию как разведку боем с целью получить информацию о военном потенциале и т.п. См. также: [14, р. 19; 16, р. 132].

То, что монгольские войска продвинулись настолько далеко через враждебную территорию, чтобы соединиться с сыном Чингиз-хана, Джучи, произвело сильное впечатление как на сочувствующих монголам, так и враждебных хронистов¹². Грузинский хронист XIV века отмечал с изумлением, что эта армия разбила грузин и продвинулась в Кыпчакскую степь несмотря на то, что она имела только луки и неподкованных лошадей, и никакого защитного вооружения [27, р. 320–321]. Победам монголов и их способности уйти живыми из Южного Кавказа в большой степени способствовали решительность и безжалостная изобретательность их военачальников – Джебе и Субедея, – как показывает сообщение Ибн ал-Асира. В 1222 году, обогнув Грузию на своем пути на север по направлению к Дербенту, монголы осадили Шемаху. Монголы соорудили искусственный вал, достигавший верха оборонительных стен, из туш скота и убитых местных жителей. Они сражались с горожанами в течение трех дней, пока вал постепенно не распался и не обрушился. Но даже после этой неудачи монголы продолжили нападения, пока город не был захвачен. Неспособные найти безопасный проход через северные перевалы (которые предположительно были заняты защитниками), они попросили шаха Дербента направить послов для мирных переговоров. Когда те прибыли, монголы казнили одного и угрожали тем же другим, если они не проведут их безопасным путем. Им был показан удобный путь, через который можно было вырваться. Спустившись с гор, они столкнулись после этого с армией алан и кыпчаков, их поджидавших. Неспособные совладать с этими объединенными силами, монгольские предводители подкупили кыпчаков, чтобы те покинули своих союзников, ссылаясь на общее этническое происхождение как обоснование альянса. Кыпчаки покинули своих союзников после получения даров и заверений в мире, позволив монголам разбить алан по-отдельности. После чего монголы вместе с пленными аланами нагнали ничего не подозревавших кыпчаков и перебили их [40, р. 220–221]. Таким образом монголы успешно прибыли в степи Северного Причерноморья, разграбив Судак в Крыму зимой 1222–1223 года, в то время как кыпчаки бежали в поисках помощи на Руси [40, р. 223].

После ожесточенных боев и посредством уловок и применения психологической войны Джебе удалось привести свои войска в степь на заключительной стадии кампании. Тем не менее, несмотря на то что ему удалось удержать целой свою армию, так что в конце концов многие монголы смогли соединиться с силами Джучи в 1224 году, мы считаем, что существует очень убедительное свидетельство тому, что самого Джебе уже не было среди этих оставшихся в живых монголов.

Кампания 1223 года и обстоятельства смерти Джебе-нойона

Экспедиция Джебе и Субедея привлекла так много внимания, что авторы с различным культурным контекстом и происходившие из разных географических регионов зафиксировали ее детали. Источники Руси предоставляют наиболее детальное описание кампании весны 1223 года, завершившейся

¹² Симпатизирующий монголам Джувейни восхваляет это достижение: [36, р. 209–210; 10, р. 149]. При описании быстрого наступления «западных татар» враждебно настроенный Ибн ал-Асир выражает сомнение, что будущие поколения поверят в это, поскольку подобный военный успех был «невиданным в древние и настоящие времена»: [40, р. 215].

сражением русско-кыпчакских сил с монголами на Калке¹³. В синодальном списке «Новгородской Первой летописи» XIII века мы находим сообщение о смерти Джебе, попросту оставшееся незамеченным до настоящего времени¹⁴. «Галицко-Волынская летопись», хоть и не упоминает Джебе, предоставляет множество подробностей, позволяющих составить более полную картину о ходе событий, связанных с его смертью¹⁵.

Обе летописи сходятся в том, что вслед за монгольским нападением несколько кыпчакских вождей бежали к русским князьям и призвали их заключить военный альянс на том основании, что монголы вторглись бы на Русь в дальнейшем, если бы они не были остановлены на кыпчакской территории. Найдя это утверждение убедительным, множество князей постепенно собрали свои войска вместе с их кыпчакскими союзниками на Днепре к концу весны. «Галицко-Волынская летопись» определенно указывает на то, что место встречи различных подразделений располагалось рядом с Хортицей – одним островом у южных оконечностей порогов Днепра [29, р. 64–65; 35, р. 29]¹⁶. Предположения о том, что эти армии собрались на острове, а не на западном берегу Днепра [15, р. 194], имеют мало смысла со стратегических и логистических позиций кавалерии, включавшей в свой состав кочевников. Во время походного передвижения и пока русские собирались вместе, монголы направили к ним послов, чтобы побудить их покинуть их кыпчакских союзников. После того как три посла были убиты, вторая группа послов прибыла только для того, чтобы призвать русских вступить с ними в сражение, после чего, по их словам, их рассудил бы Бог. Эти послы были отпущены [29, р. 65]. Этот отчет достоверен: первый призыв имеет примечательное сходство с более ранним, полученным кыпчаками в предыдущем году с побуждением оставить аланских союзников. Второй напоминает стандартное обращение, вручаемое монголами по всей Евразии всем тем, кто отвергал подчинение¹⁷. После этого извещения монголы двинулись по направлению к русским позициям.

«Галицко-Волынская летопись» сообщает, что, когда стало известно о том, что монгольские передовые подразделения приблизились к восточному

¹³ Следует отметить, что датировка этой кампании была предметом длительной научной дискуссии. Дебаты в основном фокусировались на том, случилось ли это в 1223 или 1224 году. Синодальный список «Новгородской Первой летописи» и «Галицко-Волынская летопись» в Ипатьевском своде помещают ее под 6732 годом, соответствующем 1224 году. Однако М. Степанов отметил, что существовало два стиля датировок в этих летописях, использовавшихся средневековыми летописцами. Н. Бережков утверждал, что 1223 был правильным годом, и его утверждение было, если не совершенно, то широко принято. См. его доводы в: [1, с. 317–318]. См. недавнее рассмотрение дискуссии и некоторых проблем, связанных с 1223 годом в: [46, р. 1–11].

¹⁴ Синодальный список – самая ранняя сохранившаяся версия «Новгородской Первой летописи». Весь короткий отчет о кампании и битве помещен под 6732 годом [3, с. 61–63].

¹⁵ Ее отдельный отчет об этой кампании помещен под 6732 годом [2, стб. 740–745].

¹⁶ Ссылки на английский перевод используются для того, чтобы охватить более широкую аудиторию, за исключением ключевых моментов, где необходимо привести текст подлинника.

¹⁷ Отталкиваясь от созвучия обоих призывов со стандартными примерами монгольского поведения и их соответственной правдоподобности, Чарльз Гальперин утверждает, что сообщения летописей могут быть весьма точными [24, р. 32]. См. один пример стандартного монгольского ультиматума в: [10, р. 25–26].

берегу Днепра, чтобы обозреть русские силы и их судна, несколько русских князей, включая юношу Даниила Галицкого, поспешили к противоположному берегу реки, чтобы рассмотреть до тех пор неведомого врага. Очевидно не впечатленные оснащением кочевнических лучников, некоторые пренебрежительно назвали их «простолюдинами», еще большими чем даже кыпчаки, но один из них, присутствовавший на месте, упомянут, как предостерегший их, что монголы на самом деле были грозными воинами [35, р. 29]. Это напоминает одно из описаний монголов грузинского летописца, где они имеют луки, лишены защитного вооружения и скачут на неподкованных лошадях. Сделав свои первые наблюдения, молодые князья стали призывать старших князей отдать приказ для нападения [35, р. 29].

Русские силы под командованием «Мстислава» переправились через Днепр и бросились в атаку на монгольские передовые подразделения, согласно «Новгородской Первой летописи». Задача историка не упрощается тем фактом, что все три князя, возглавлявшие верховное командование [35, р. 28] во время кампании, звались Мстиславами, а именно – Мстиславом III Романович, князем Киева; Мстиславом, князем Чернигова; и Мстиславом Мстиславичем Удалым, князем Галиции. И летопись равным образом не уточняет, кто из них имеется в виду. Однако косвенные доказательства проясняют, что им должен был быть Мстислав Удалой: в первую очередь именно он настоял на том, чтобы другие князья вступили в альянс с кыпчаками. Его тестем был кыпчакский предводитель Котян, и из последующего текста становится ясно, что тот Мстислав, который бросился в эту первоначальную атаку, сделал это в тесном взаимодействии с кыпчаками [29, р. 64–65]¹⁸. «Никоновская летопись» XVI века определенно указывает на то, что это был Мстислав Удалой [47, р. 287].

Неожиданная атака русов сокрушила эти пограничные силы, потерявшие многих убитыми и отступившие на восток во главе с их командующим (или воеводой, как выразился летописец) к вершине кыпчакского кургана. Не в силах бежать или удержаться, монголы похоронили своего командующего живым на кургане, прежде чем курган был захвачен, по-видимому, надеясь сохранить ему жизнь так, чтобы он был спасен позже. Однако кыпчакские воины попросили разрешения у Мстислава Удалого обследовать курган в поисках их предводителя, предполагая, что он был там захоронен. Вероятно, они должны были настаивать на этом позволении, поскольку его исполнение означало остановку и потерю драгоценного времени в то время, когда враг, как представлялось, пустился в бегство; но эта просьба была удовлетворена. Кыпчаки в конце концов выгнали монгольского командира из его убежища и убили его. «Новгородская Первая летопись» дважды указывает, что именем убитого монгольского командира было «Гемьябъг»; «Gemya-Beg» в транслитерации Мичелла и Форбса¹⁹. «Галицко-Волынская летопись» не повторяет этого эпизода, но,

¹⁸ «Галицко-Волынская летопись» упоминает борьбу Мстислава Удалого во взаимодействии со своими кыпчакскими союзниками против венгров и поляков всего за несколько лет до столкновения на Калке [см.: 35, р. 27].

¹⁹ В соответствующем фрагменте пишется: «Тъгда же Мъстислав перебродяся Днѣпръ, прѣиде в 1000 вои на сторожи татарьскыя, и побѣди я, а прокъ ихъ въбѣже съ воеводою своимъ Гемьябъгомъ въ курганъ Половьчьскыи, и ту имъ не бымочи, и погрѣбоша воеводу своего Гемьябега жива въ земли, хотяще животь его ублюсти; и ту и налезоша, испросивъше Половци у Мъстислава, и убиша и» [3, с. 62–63; 29, р. 65].

безусловно, согласуется с общей картиной: два князя по имени Мстислав форсировали реку для атаки, а другие последовали за ними в большой спешке. Монгольские силы были разбиты, и их преследовали далеко вглубь степи, вследствие чего в руки русов попали огромные стада скота [35, р. 29]. Оба источника согласуются в том, что монголы бежали восемь или девять дней до тех пор, пока они не развернулись, чтобы оказать сопротивление.

*Лингвистические и косвенные доказательства того,
что Гемябег является Джебе-нойоном*

У нас есть все основания заключить, что упомянутый выше монгольский командир, захваченный и казненный кыпчаками, был самим Джебе-нойоном. Обращаясь к имени «Гемябѣг», которое может быть транслитерировано различными способами²⁰, открытым остается вопрос, какой согласный звук в начале слова имел в виду средневековый летописец, поскольку буква «Г» (глагол) может отображать велярный гортанный щелевой или велярный прерывистый звук²¹. Хотя «Гемя-Бег», «Хамабек» или гипотетический «Хемя-Бег» не похожи на Джебе-нойона, все они отображают примечательное сходство с тем, как летописец Руси должен был передать имя «Йеме Бег», если бы оно происходило из среды тюркоязычных кыпчаков²². В то время как повсюду в сочинении Рашид ад-дина имя этого военачальника представлено как Джебе (جبه) [см., например: 38, р. 207–211; 40, р. 110–111], как и в «Сокровенном сказании» и «Юань ши» (哲伯), многие другие источники дают его имя в «тюркизированной» форме «Йеме»²³. Джувейни, ан-Несеви и Джузджани, персидские авторы XIII века, все передавали его имя как (يمه), которое может быть транслитерировано по-разному, как Йама, Йеме, Йемах и т.д. [36, р. 207; 30, р. 65; 23, р. 171. См. о транслитерации: 10, р. 142; 25, р. 89; 39, р. 987]²⁴. В грузинской «Столетней летописи» его имя дается как «Иама» вместе с замечанием, что он был также известен как «Джебо» [27, р. 321]. Таким образом, в то время как восточноазиатские источники настойчиво пе-

²⁰ Мичелл и Форбс передали его как «Gemya-Beg», что означает, что они рассматривали титул как отдельную часть от личного имени. Ховорт, использовавший раннюю работу Карамзина в качестве своего единственного источника, передавал его как «Hamabek» [26, р. 96].

²¹ Джулия Верхоланцев, переписка по электронной почте с автором, 31 июля 2015 года. Автор выражает благодарность Джулии Верхоланцев из университета Пенсильвании за любезно предоставленную консультацию и наблюдения в отношении рассматриваемых здесь лингвистических вопросов.

²² Это сходство в особенности бросается в глаза, принимая во внимание мягкость, которую русская гласная «е» придает предыдущей согласной, производя звук, слышимый как «йе». Транслитерация библиотеки Конгресса передает этот гласный как просто «е» без указания мягкости согласной – отсюда настоящая транслитерация «Gemya-Beg». На основании переписки автора по электронной почте с Джулией Верхоланцев 3 августа 2015 года.

²³ Аналогично Пеллио и Бойль отмечали склонность персидских авторов, писавших намного раньше Рашид ад-дина, использовать тюркскую форму имени Джебе [34, р. 155; 10, р. 142].

²⁴ Я хочу выразить мою благодарность Имаду Афхам (Центрально-Европейский университет) за помощь в работе с персидскими материалами.

редают его монгольское имя, источники регионов, затронутых западной кампанией Джебе, склонны фиксировать широко распространенную тюркизованную форму его имени. Аналогично, восточные и западные источники периодически колеблются между тем, чтобы давать только его личное имя или же сделать выбор в пользу прибавления его титула «нойон» [34, p. 155]. В отношении этого монгольского титула, возможно, имевшего китайское происхождение, Пеллио отмечал, что он имел значение главы или высшего военного либо гражданского чина, передававшегося в тюркских языках словом «бег». То, что бей/бег является тюркским эквивалентом «нойона», широко признается исследователями [34, p. 178; 7, p. 412]. В таком случае вполне вероятным представляется, что летописец Руси стремился ассимилировать имя, достигшее русов посредством тюркоязычных кыпчаков: Хемя Бег = Йеме Бег; то есть имя Джебе-нойона.

Косвенные доказательства подтверждают этот вывод. Как уже упоминалось, «Новгородская Первая летопись» указывает на то, что кыпчаки просили у Мстислава позволения остановиться и исследовать курган в поисках вражеского военачальника. Это предполагало то, что при начале наступления на востоке от Днепра и отступлении монгольских передовых отрядов кыпчакские силы «взяли на прицел» этого военачальника. Они должны были искать лично его и поэтому знали, что он «исчез» на кургане. То, что монголы прибегли к отчаянной уловке похоронить своего предводителя заживо, предполагает, что он был очень важным лицом – тем, кого следовало уберечь от смерти любой ценой. Эта уловка напоминает рассказ «Сокровенного сказания» о том, как Чингиз-хан прятался юношей от врагов в реке, оставив только рот над ее поверхностью, хотя летописец Руси не мог знать об этом [17, p. 23]. То, что летопись дает как его имя, так и титул в тюркской передаче, подтверждает сообщение о том, что кыпчаки информировали своих русских союзников, кем он был. Летопись также уделяет внимание достаточно ярким деталям в связи с этим отдельным эпизодом в рамках довольно лаконичного общего отчета о кампании, что предполагает, что автор и его русские информанты имели отдаленное представление о том, что казненный «воевода» был важной фигурой, хотя они вряд ли осознавали, насколько важной.

Нас может удивить то, что именно Джебе-нойон, а не подчиненный ему военный командир (не упоминающийся источниками при других обстоятельствах), находился среди передовых наблюдательных подразделений, когда произошло начальное нападение русов. Тем не менее его военная карьера содержит примеры, когда он исполнял роль авангардного командира, возглавляя передовые части и подвергая свою жизнь серьезному риску. Рашид ад-дин свидетельствует, что во время первой битвы с грузинами в ходе этой западной кампании Джебе продвинулся вперед, чтобы расположиться в засаде с пятью тысячами воинов, приказав Субедею симулировать отступление с главной частью армии. Когда грузины пустились в погоню, Джебе и его войска ударили по врагу с тыла. Рашид ад-дин заключает: «Это было в их обыкновении во многих битвах» [38, p. 209; 40, p. 110]. Таким образом, совсем не маловероятным представляется, что Джебе командовал главной армией в сопровождении меньшего подразделения в том момент, когда началось военное столкновение, поскольку нам сообщается, что это был его *modus operandi* в ходе всей предшествовавшей кампании.

Силы Джебе на Днепре могли просто производить разведку, готовя военную хитрость или стремясь заманить врага в погоню, но внезапность русско-кыпчакской атаки и количество врага ошеломили их. Хотя русские описания прибегают к использованию образного числа, которое редко воспринимается буквально, все же количество княжеств, пославших свои войска, само по себе предполагает, что эта армия должна была быть внушительной, в особенности в сочетании с кочевническими союзниками [35, р. 28–29]. В своем коротком сообщении Рашид ад-дин утверждает, что монголы отступили, увидев, насколько многочисленным был их противник [38, р. 532–535; 40, р. 260]. Сообщение «Галицко-Волынской летописи» о том, что монголы были так глубоко загнаны в степь, что потеряли захваченные врагами колоссальные стада скота, не кажется описанием безупречно осуществленного притворного отступления, во всяком случае в начальной его стадии [35, р. 29]. В действительности оно напоминает отчет, предоставляемый ан-Несеви как очевидцем сражения между монголами и Джелал ад-дином, сыном разгромленного Хорезмшаха. Согласно этому отчету, после ожесточенного столкновения монголы обратились без оглядки в бегство, бросив свои трофеи, оружие и даже съестные припасы (домашний скот). Хорезмийская кавалерия и местные крестьяне преследовали монголов, которые продолжали бегство, не стремясь поймать их во впечатляющую ловушку и не пытаясь в конце концов развернуться, чтобы обратить преследователей в бегство [30, р. 90–91; 25, р. 101–102]. Этот эпизод среди многих других служит примером того, что не все монгольские отступления были блестяще организованными уловками – иногда монголы действительно просто пускались в бегство. Мы также знаем, что русы и их кыпчакские союзники были знакомы со степной тактикой. Таким образом, каким бы ни был план Джебе, когда его войска изначально приблизились к врагу на Днепре, этот план, вероятно, не предполагал в конце того, чтобы он оказался заживо похороненным на кургане, и чтобы мстительные кыпчаки искали бы его там. Возможно, Джебе просто недооценил своих противников, или же та самоуверенность, за которую его порицал Чингиз-хан, оказалась в конце концов фатальной.

Доступные источники согласуются в том, что в конце концов монголы нанесли врагам сокрушительное поражение. После более чем однонедельного отступления они в конце концов развернулись, чтобы столкнуться с переправлявшимися через Калку, под которой понимался Калмиус, впадающий в Азовское море рядом с современным Мариуполем. Это подтверждается холмистым ландшафтом, который сыграл свою роль в сражении – узкие подходы в речной долине могли также оказать влияние на решение монголов расположить там свою позицию [15, р. 195–196]. «Галицко-Волынская летопись» сообщает нам, что Мстислав Удалой и подчиненный ему Даниил Галицкий переправились через реку, чтобы столкнуться с монголами, без того, чтобы проинформировать об этом двух других главнокомандующих из-за серьезных разногласий между ними [35, р. 29]. Мы также можем сделать догадку, что первая атака Мстислава на Днепре достигла настолько большого успеха, что он снова пытался заслужить всю славу единолично. Первые монгольские полки, с которыми они столкнулись, отступили. Но после этого гонящиеся войска галичан попали под ливень стрел, и на этот раз они распались и бежали [35, р. 30].

Кыпчаки, которые, по всей видимости, действовали вместе с ними так же, как и на Днепре, бросились в бегство без оглядки, пронесшись сквозь лагерь других частей русов, приведенных из-за этого в беспорядок [29, р. 66]. Хотя «Новгородская Первая летопись» дипломатично вменяет только кыпчакам в вину приведение в беспорядок неготовых войск русов на западном берегу реки и распространение среди них паники, войска Мстислава Удалого и Даниила должны были броситься в бегство примерно в это же время. Мы знаем, что оба князя остались в живых после сражения, и что Мстислав «еле-еле спасся», разрубив за собой лодки, чтобы оторваться от своих преследователей уже тогда, когда он достиг Днепра [29, р. 66]. Мы знаем, что Котян также смог бежать, поскольку позже он появился в Венгрии во главе тысяч кыпчакских беженцев, предложив Беле IV их военные услуги [8, р. 138–139]²⁵.

Немаловажно, что вышеназванные военачальники остались в живых после сражения, из которого домой вернулось так мало русских князей и регулярных войск (предположительно один из десяти) [29, р. 66]. Это предполагает, что галичане и кыпчаки, первыми вступившие в сражение и бежавшие после этого, были обильно представлены среди тех, кто остался в живых после всей кампании. Следовательно, мы можем предположить, что многие сведения о ходе кампании были предоставлены выжившими галичанами, и, возможно, многие из них являются воспоминаниями выживших князей или их окружения. «Галицко-Волынская летопись», например, фокусируется на деталях опыта, почерпнутого Даниилом лично в сражении, включая то, что он был ранен в руку, но заметил это только тогда, когда стал пить [35, р. 30]. Столь личные, чувственные детали, как кажется, основывались на отчетах людей, которые лично их пережили. Все это имеет важное значение для сообщения о смерти Джебе-нойона. Галичане и кыпчаки, которые бежали первыми и поэтому смогли спастись из разразившейся катастрофы на Калке, включали те группы, которые участвовали в первой атаке на восточном берегу Днепра и заставили пуститься в бегство монгольские передовые отряды. Отчет о нахождении на кургане Джебе-нойона и его убийстве, встречающийся в «Новгородской Первой летописи», вероятно, основывался на свидетельстве участников и очевидцев случившегося, – возможно, самого Мстислава Удалого или его приближенных.

Однако, возвращаясь к битве на Калке, она затянулась даже после того, как монголы перешли в наступление и заставили бежать галичан и кыпчаков. Ибн ал-Асир утверждает, что, хотя русы оказались неготовыми, когда монголы набросились на них, обе стороны выказали невиданную стойкость, и сражение продолжалось еще несколько дней до тех пор, пока русы не были безжалостно убиты [40, р. 223]. Общий смысл его отчета согласуется с «Новгородской Первой летописью», которая сообщает, что Мстислав Киевский и два других князя отказались отступить, возведя укрепление из деревянных досок на вершине холма и оказавшись способными выдерживать нападения монголов в течение нескольких дней. Именно после этого монголы решили начать переговоры о сдаче, послав одного из союзных им бродников, военачальника по имени Пло-

²⁵ Кыпчакский предводитель зовется Кутеном в соответствующем фрагменте: «Nunciis hinc inde sepius destinatis predictus Kuthen cum suis iter arripuit in Hungariam veniendi». В конце концов он был убит расправившейся с ним толпой, небезосновательно питавшей по отношению к нему подозрения при монгольском вторжении в 1241 году.

скиня, обещая сохранить жизнь сдавшимся князьям за выкуп²⁶. Когда три князя решили сдаться, они были связаны и переданы монголам, после чего укрепление было захвачено и его воины безжалостно убиты [29, р. 66].

Здесь летопись упоминает, помимо Плоскини, двух вражеских военачальников, которые присутствовали при осаде укрепления, и можно было бы легко предположить, что речь здесь идет о Джебе и Субедее. Их имена даны как Цыгьркань и Тешюкань²⁷. Мы утверждаем, что эти имена, часто воспринимающиеся в литературе как имена подчиненных военачальников [см., например: 31, р. 66–67]²⁸, являются на самом деле простыми искажениями тюркских форм написания имен Чингиз-хана и его старшего сына, Джучи-хана, которому было поручено подчинение Кыпчакской степи и других северо-западных регионов²⁹. Кто бы ни предоставил первичную информацию этой части сообщения, как кажется, он ошибочно сопоставил монгольских военачальников, находившихся перед укреплением, с теми военачальниками, которые именовались верховными правителями Монгольской империи. Это может предполагать, что во время переговоров о сдаче те, кто были с монгольской стороны, предоставили письмо с тамгой, объясняя, чью власть они представляли. В любом случае ни одно из имен двух монгольских военачальников не позволяет нам идентифицировать их с Джебе-нойоном, в то время как имя военачальника, убитого на кургане на востоке от Днепра, совпадает. Двумя военачальниками, присутствовавшими при осаде укрепления, могли точно так же быть Субедей и подчиненный Джебе Измаил. Летопись отмечает, что плененные русские князья были брошены под доски, на которых монгольские военачальники пировали в празднование своей победы [29, р. 66]. Может быть, один из плененных князей был оставлен в живых, чтобы быть отвезенным к Джучи и казненным там, судя по утверждению в «Юань ши» [41, р. 2970].

Русам, бежавшим назад к Днепру, повезло ненамного больше, чем погибшим в укреплении. «Новгородская Первая летопись» перечисляет шесть князей различных княжеств, убитых во время затянувшегося отступления, включая одного главнокомандующего – Мстислава Черниговского – и его

²⁶ Джон Феннель описывает бродников как народ северо-восточного региона степи, примкнувший к монголам в какой-то момент сражения [19, р. 91, nota 22; см. также: 24, р. 30, 32]. Бродники, как кажется, были степными грабителями, как более поздние казаки, и, вероятно, были смешанного славянского и кочевнического происхождения. Сведения о них крайне скудны, чтобы сделать надежные выводы.

²⁷ В соответствующем фрагменте пишется: «Ини же Татари поидоша по русскыхъ князихъ, буюче до Днѣпрѣ; а у города того оста 2 воеводѣ Цыгьркань и Тешюкань на Мьстислава и на зяти его на Андрѣя и на Ольксандра Дубровьцьскаго» [3, с. 63].

²⁸ Здесь мы видим «Tsugur Khan» и «Teshi Khan» во главе левого фланга (!) монголов на Калке. Нет никакого упоминания их сходства с именами Чингиз-хана и его старшего сына, кому было поручено завоевание кыпчаков.

²⁹ Тюркской формой имени Джучи-хана является Туши-хан. Сходство Тешюкана и Туши-хана особенно поразительно [см.: 21, р. 143–151; 24, р. 31]. В «Новгородской Первой летописи» есть ряд намеков на то, что общение между русами и монголами особенно во время этих переговоров осуществлялось на тюркском языке. Поэтому имена императора и старшего принца были, вероятно, переданы русам на тюркском языке, и именно в это передаче, как кажется, мы находим их в летописи. Этот вопрос требует больше места, чем может быть уделено здесь для его рассмотрения. См. о поручении Джучи управлять северо-западными регионами в: [5, р. 12].

сына [29, р. 66]. Генрих Ливонский, хронист, находившийся в далекой Риге, слышал детали этой катастрофы, передававшие, что татары (монголы) гнались за русами шесть дней по просторам степи, убив десятки тысяч из них [12, р. 205]. Если кто-либо из выживших смог достигнуть берегов Днепра рядом с Хортицей, они не смогли найти там суден, разрубленных Мстиславом Удалым во время его более раннего бегства.

В то время как для русов поражение оказалось столь серьезным, что оно вызвало ограниченный отток беженцев, судя по утверждению Ибн ал-Асира, согласно которому некоторые купцы Руси погрузили после него свою собственность на корабли и направились в поисках убежища в султанат Рума [40, р. 224], существуют указания и на то, что эта кампания и ее последствия оставили болезненный след и среди монголов. У нас есть только одно указание в хрониках о последующем нападении на конкретную территорию Руси, а именно: одно монгольское подразделение безжалостно уничтожило население Новгорода-Северского, вышедшее ему навстречу с крестом для приветствия [35, р. 30]. Они не пытались навязать своего правления, и «Новгородская Первая летопись» отмечает: «Татари же възвратишася от рѣкы Днѣпря; и не съвѣдаемъ, откуда суть пришли и кдѣ ся дѣша опять» [3, с. 63; 29, р. 66]. В дальнейшем, возвращаясь на восток через Поволжье, они попали в засаду волжских булгар и понесли очень большие потери, хотя Ибн ал-Асир предполагает, что, возможно, четыре тысячи из них остались в живых и смогли наконец соединиться с монгольскими войсками на востоке. Арабский летописец добавляет, что после этого кыпчаки вскоре вернулись на свои территории и возобновили торговлю пушниной, временно прерванную монголами [40, р. 224]. Это напрямую противоречит оптимистичному утверждению «Юань ши», что кыпчаки были «покорены» во время этой кампании [41, р. 2976–2977; 11, р. 299]. Когда брат Юлиан посетил «Великую Венгрию» на Волге в середине 30-х годов XIII века, она все еще была свободна от их правления. Он сообщал, что местные жители нанесли монголам поражение в их первом сражении [42, р. 541]³⁰, и все это подтверждает утверждение Ибн ал-Асира. Таким образом, какое-либо представление того, что западная кампания Субедея и Джебе была абсолютным успехом, является необоснованным. Монголы не смогли установить свое правление где-либо западнее Волги до тех пор, пока они не вернулись с подавляющими силами в конце 30-х годов XIII века.

После экспедиции Джебе и Субедея сам Чингиз-хан снова обратил внимание на кыпчаков. В 1234 году Сунский китайский посол к монгольскому двору сообщал, что кыпчаки продолжали оказывать энергичное сопротивление, используя большую реку (предположительно, Волгу) в качестве защиты. Этот посол также писал, что, когда Чингиз-хан был еще жив (ум. 1227), он имел обыкновение говорить, что для разгрома кыпчаков понадобится десять лет, и поэтому их следовало просто сдерживать до того, пока не будет разгромлена династия Цзинь в Китае, после чего можно было бы предпринять серьезное наступление. И действительно, посол рассказывал, что монголы боялись воинственных кыпчаков более всех других своих врагов и были уверены в том, что по степи пронесся бы иносказательный пожар, если бы они

³⁰ В соответствующем фрагменте пишется: «Gens Tatarorum vicina est illis, set hiidem Tartari commiittentes (sic) cum eis, non poterant eos in bello devincere; imo in primo prelio devicti sunt per eos».

не были разгромлены [32, s. 209–210]. Описывая планирование большой западной кампании 1235 года после разгрома Цзинь, «Сокровенное сказание» лаконично сообщает, что Субедей оказался до этого «в тяжелом положении» во время военных действий против северо-западных народов, включая Русь и кыпчаков. Поэтому Угедей назначил многих принцев ему в помощь в последующей кампании [17, p. 201]. Эти оценки верховного командования Монгольской империи в годы, последовавшие за кампанией 1223–1224 годов, дают понять, что она не рассматривалась как абсолютно успешная. Высокое значение, которое придавалось кыпчакам, становится понятным, если мы примем во внимание тот психологический удар, который последовал за пленением и казнью Джебе. Это также может предполагать влияние личной вендетты, которая могла побудить Субедея возглавить возвращение военных сил в регион после окончательного разгрома Цзинь в 30-х годах XIII столетия.

Остается один вопрос первостепенной важности: предоставляют ли другие источники альтернативную версию судьбы Джебе? По правде говоря, существуют некоторые, по большей части двусмысленные утверждения, которые можно расценить как альтернативу. «Сокровенное сказание» утверждает, что, когда Угедей направился на войну против Цзинь в 1231 году, он отправил Джебе в авангарде [17, p. 202–203]. Современные исследователи не считают это правдоподобным³¹ и обоснованно, поскольку это, как кажется, является единственным упоминанием того, чтобы Джебе делал хоть что-нибудь после западной кампании. К тому же это упоминание содержится в источнике, который, несмотря на свой исторический характер, представляет собой пристрастный нарратив, отображающий определенную заинтересованность и точки зрения имперского двора XIII века, в среде которого он был произведен. Он также настолько обременен анахронизмами, что исследователи ставили под сомнение его историчность, в той или иной степени [6, p. 1–4]³². «Сокровенное сказание», как кажется, описывает смерть Токучара, зятя Чингиз-хана, вразрез с исторической реальностью. Он был одним из главнокомандующих, продвигавшихся с Джебе и Субедеем через Персию в начале западной экспедиции вплоть до его смерти при осаде Нишапура, приведшей к ужасным последствиям для восставших горожан [22, p. 241]. В «Сокровенном сказании» он наказан за грабеж и отстранен от командования Чингиз-ханом: там нет упоминания его смерти под Нишапуром или где-либо еще³³.

Биография Измаила, подчиненного Джебе, в «Юань ши» содержит одно действительное упоминание смерти Джебе, но в неясной форме. Оно утверждает, что они разбили русского князя Мстислава, разбили канглов и покорили кыпчаков. После чего там коротко сообщается: «Армия вернулась, Джебе умер» [41, p. 2970]³⁴. Из биографии становится ясно, что Джебе был

³¹ Современные историки неуклонно помещают смерть Джебе между 1223 и 1225 годами, в ходе или чуть позже этой западной кампании [см.: 7, p. 265; 13, p. 171].

³² Переводчик «Сокровенного сказания» отмечает: «“Сокровенное сказание” является единственным подлинным (не путать с достоверным) нативным сообщением ...» [17, p. xxv].

³³ I. de Rachewiltz, *Secret History*, p. 191.

³⁴ В соответствующем фрагменте пишется: 軍還，哲伯卒。 Будучи переданным традиционными символами без добавления пунктуации: 軍還哲伯卒.

уже мертв, когда Исмаил соединился с Чингиз-ханом условно в 1225 году³⁵. Одним свидетельством является то, что военные трофеи представил Чингиз-хану Исмаил, а не Джебе. Во-вторых, Чингиз-хан с грустью отмечает своим приближенным, как Джебе имел обыкновение говорить, что Исмаил пользовался высокой репутацией несмотря на низкий рост [41, р. 2970]. Другим любопытным пунктом в биографии является передача Исмаилом Джучи одного пленного русского князя, вероятно, Мстислава. Это должно было произойти раньше, в 1224 году, когда силы, оставшиеся в живых по завершению западной экспедиции, соединились с войсками Джучи [5, р. 11]. Мы должны задаться вопросом, почему Исмаил должен был бы выполнять эту задачу, если бы Джебе все еще оставался в живых и предположительно присутствовал на месте? Конечно, биография указывает, что Джебе дал такой приказ Исмаилу, но любопытно, что Джебе ни разу не участвует в событиях или, как представляется, присутствует, когда его войска вступают в контакт с Джучи или Чингиз-ханом. Кроме того, сообщение о его смерти лишено подробностей, даже в отношении того, когда она произошла. Поэтому оно с трудом может восприниматься более достоверным сообщением, чем красочная версия событий, встречающаяся в «Новгородской Первой летописи».

Персидские источники двусмысленны. За описанием разгрома русов и кыпчаков, длившегося неделю, Рашид ад-дин утверждает, что монголы вернулись к Чингиз-хану, но имя Джебе не упомянуто конкретно среди возвратившихся [38, р. 535; 43, р. 260]. Ранее, однако, в представленном введении к фрагменту об этой западной кампании, мы читаем: «Теперь, что делали два военачальника Джебе и Субедей, и какие территории они взяли перед тем, как вернуться домой к Чингиз-хану через Кыпчакскую степь» [38, р. 531; 43, р. 258]³⁶. Это противоречит китайскому сообщению, которое, как представляется, указывает, что Джебе уже был мертв, когда Исмаил отдал трофеи Чингиз-хану. Кроме того, мы не думаем, что его следует принимать слишком всерьез. Описывая одного командира по имени Берке, Рашид ад-дин упоминает в двух местах, что он был назначен Чингиз-ханом для кампании Джебе и Субедея, но умер в ранней стадии ее развертывания [38, р. 70–71, 208; 43, р. 40, 110]. Тем не менее в другом месте Рашид ад-дин делает вызывающее недоумение замечание: «После смерти Чингиз-хана, когда Берке, Джебе и Сюбютей пришли в Иран и вернулись через Темюр Кахалка [Железные ворота], они пришли к ка'ану Угедею и выказали почтение» [38, р. 72, 208; 43, р. 41]. Этот отрывок путает все, включая то, в чье правление имела место западная экспедиция, и упоминает по крайней мере одного командира, которого не было в живых к моменту выражения почтения хану, предположительно, в Монголии. Такие утверждения указывают на то, что Рашид ад-дин мог включить Джебе так же либо случайно, либо намеренно.

Уровень смертности среди высшего командного состава Монгольской империи был высоким. Китайский эмиссар отмечал в 1233–1234 годах, что более половины высших военачальников уже не было в живых [32, s. 194]. Персидские источники часто упоминают гибель этих военачальников в подробностях, даже если они были убиты врагами. Как упоминалось выше, персидские ис-

³⁵ Таково заключение Пеллио [34, р. 270].

³⁶ В случае прямых цитат из работы Такстона сохранена избранная им транслитерация имен собственных.

точники сообщают, что один из главных лидеров западной кампании Токучар был убит у Нишапура, как и о гибели Берке. Поэтому, если Джебе был убит кыпчаками, возможно ли существование определенных оснований для осторожного обхождения с этой темой в источниках, написанных под монгольским патронажем? Мы уверены в существовании определенных обстоятельств, которые могли способствовать запрету упоминания его смерти. Для монгола, особенно статуса Джебе, было позорно кончить свою жизнь в руках врагов. Один грузинский аристократ рассказывал Ибн ал-Асиру, что, когда они взяли в плен одного монгола, он немедленно стал биться головой о камень, пока не умер. «Он отказывался позволить себе быть взятым в плен» [41, р. 221]. Мы должны помнить замечание Рашид ад-дина, сделанное около 1300 года, что многие родичи Джебе все еще занимали высокие посты в Юаньской империи и Ильханате. Если даже такие авторы, как Рашид ад-дин и Джувейни, знали факты, они предпочитали просто избегать их упоминания. Джувейни, бывший должностным лицом при монголах с 40-х годов XIII века, был воодушевлен своими друзьями к написанию истории Монгольской империи, когда он находился с миссией в Каракоруме в 1252–1253 годах³⁷. Таким образом, он писал всего лишь через несколько десятилетий после событий и находился в выгодном положении для того, чтобы предоставить сведения о кампании 1223–1224 годов. Хотя он предоставляет многочисленные подробности кампании Джебе и Субедея в Иране и на Кавказе, непосредственно после того, как монгольская армия прошла на север от Дербента, автор опускает любые подробности о том, что случилось в Кыпчакской степи или в Поволжье. Он не вдается в подробности сражений с кыпчаками, русами или булгарами, а просто делает скачок вперед к соединению «армии» с Джучи (1224) на востоке кыпчакских территорий и к ее продвижению далее к Чингиз-хану, что любопытно настолько, что Бойль заметил этот пропуск [36, р. 209–210; 10, р. 149]. Умалчивание Джувейни, возможно приобретет больший смысл, если мы примем во внимание, что Байджу был верховным монгольским главнокомандующим на Среднем Востоке в течение по крайней мере части периода, когда он составлял свою историю. Байджу сменил Чормаган-нойона в качестве второго военного наместника Среднего Востока приблизительно в 1242 году. Нам сообщается, что он был родственником Джебе [38, р. 210; 43, р. 111]. Аргументы, основанные на умалчении источников, вряд ли являются наиболее вескими доказательствами. Однако трудно не заметить любопытное и стойкое молчание по поводу деятельности Джебе после битвы на Калке.

Выводы

Наиболее убедительное свидетельство предполагает, что Джебе-нойон был убит кыпчаками на кургане или рядом с ним, располагавшимся на востоке от Днепра, в определенной близости от острова Хортица чуть больше чем за неделю до битвы на Калке. В отношении даты этого события, мы обратимся к экспертному мнению Бережкова. Он отмечает, что отчет «Новгородской Первой летописи» в «Лаврентьевском своде» утверждает, что поражение

³⁷ Бойль предоставляет подробные сведения о Джувейни и его исторической работе [10, р. xv–xx].

имело место в день святого мученика Иеремии в 1223 году. Синодальный список дает следующий год (из-за склонности средневековых летописцев Руси использовать два календарных стиля), но повторяет, что разгром случился в день праздника этого мученика, которым, несомненно, было 31 мая. Мы имеем основания быть уверенными в том, что эта дата относится к моменту, когда монголы переломили ход событий на Калке – это произошло в среду после погони в течение восьми или девяти дней. «Галицко-Волынская летопись» отмечает, что переправа через Днепр и нападение на монголов произошли во вторник, что подтверждает вышеназванные временные рамки погони и битвы на Калке [1, с. 317–318]³⁸. Таким образом, у нас есть надежная дата смерти Джебе: вторник 23 мая 1223 года.

Если Джебе-нойон погиб в изначальном столкновении с русо-кыпчакскими силами, это подразумевает ряд заключений. Выглядит довольно ошибочным видеть в его кампании череду односторонних побед, поскольку он был схвачен и казнен в ее ходе. Мы должны также переоценить роль Субедея в этой кампании, приняв во внимание ту тревожную ситуацию, в которой он один принял на себя командование – то, что он смог добиться решающей победы после смерти своего вышестоящего военачальника, свидетельствует о выдающемся военном таланте и присутствии духа, которые он продолжил выказывать от Китая до Венгрии в течение следующих десятилетий. Наконец, мы должны переоценить достижение кыпчаков и русов в этом столкновении с монголами. Хотя они были разбиты, они произвели неизгладимое впечатление на монголов. Уникальный отчет Ц. де Бридии о сражении, который вполне мог иметь монгольское происхождение, сообщает: «Кровь с обеих сторон текла до уздечек лошадей, согласно тем, кто принимали участие в этой войне» [33, р. 72–75]³⁹.

Высшие монгольские военачальники относились с осторожностью к русам, кыпчакам и другим народам на запад от Урала после западной кампании. Это объясняет, почему в 30-х годах XIII века, когда монголы наконец вернулись в этот регион, туда были приведены подавляющие силы. В самом деле, Угедей выразил желание лично возглавить эту кампанию, пока его не отговорил от этого Мунке на курултае 1235 года [43, р. 324]. Таким образом, любое представление великого западного наступления, завершившегося в конечном счете в Венгрии в 1242 году, в качестве второстепенной кампании, незначительной для монгольских приоритетов, должно быть отвергнуто как необоснованное.

Следует рассмотреть последний вопрос: каким образом сопоставление Джебе-нойона с казненным военачальником, описанным в «Новгородской Первой летописи», осталось упущенным в исследованиях до настоящего вре-

³⁸ См. о утверждении «Галицко-Волынской летописи», что изначальное русо-кыпчакское нападение произошло во вторник, в: [35, р. 29].

³⁹ В оригинале отрывок о всем сражении передается как: «Comani autem coadunati cum Ruthenis omnibus pugnaverunt cum Tartaris iuxta duos rivulos nomen unius Calc alterius vero Coniuzzu id est ovium aqua, conii enim tartarice oves dicuntur latine, uzzu vero aqua, et devicti sunt a Tataris. Effusus est sanguis utraque parte usque ad frenos equorum sicut qui bello interfuerant referebant». Мои благодарности Доротье Урин (университет Этвёша Лоранда) за привлечение моего внимания к этому отрывку. См. последнее венгерское исследование Ц. де Бридии, в котором утверждается, что он провел длительный период времени в лагере Бату во время миссии Карпини, что отразилось в его частом использовании монгольских слов и представлении взглядов монгольских информантов: [45, о. 43–59].

мени? В то время как этот фрагмент вызывает поразительно мало интереса в исследовательской литературе, Чарльз Гальперин нашел эпизод убийства «одного Гемябега» очень интересным и обратил на него внимание в своем анализе сообщения летописца. Кроме того, он предположил, что монголы и русы, вероятно, коммуницировали на каком-то тюркском и, возможно, кыпчакском языке, что видно из переговоров на Калке и передаче монгольских имен в летописи [24, р. 30–32]. Однако он не утверждает, что Гемябег было тюркской формой имени Джебе-нойона. Поль Д. Бьюэлл в определенный момент кажется намекающим на вывод, сделанный в данной статье, но не освещает предмет в подробностях. Он писал о западной кампании: «Субедей продолжил свой путь в русскую степь [...] где он сразился в 1223 году с русами в битве на реке Калке. К тому времени или незадолго до этого Джебе умер» [13, р. 35]. То, что он отмечал, что Джебе мог умереть «незадолго» до Калки, подсказывает нам, что Бьюэлл мог иметь в виду эпизод с Гемя-Бегом. В другом месте Бьюэлл допускает возможность того, что он был скорее «убит» во время военных действий на севере от Каспия, чем скончался естественной смертью [13, р. 257]. Когда знаменитый главнокомандующий армии просто теряется в истории в ходе особо ожесточенной кампании, мы должны рассмотреть возможность того, что он был убит, но в действительности точка зрения Бьюэлла является весьма нехарактерной для той исследовательской литературы, с которой я имел возможность ознакомиться⁴⁰.

Мы, однако, утверждаем, что первичная причина, почему Джебе не был идентифицирован, оказалась связана с феноменом, замеченным Томасом Т. Оллсеном. Лингвистические проблемы, представленные источниками по Монгольской империи, привели к своего рода раздроблению ее исследований. Естественным последствием этого стало то, что исследователи были склонны фокусироваться на локальных условиях в определенной зоне, находившейся под монгольским влиянием, не видя, как они были связаны с более крупными изменениями [4, р. 32]. Эта проблема не столь отчетливо выражается современными исследователями, но она представлялась серьезной проблемой в XIX веке, когда западная историография стала производить многословные истории Монгольской империи. Правильной идентификации не было сделано в XIX веке, и поэтому она просто продолжает быть опущенной. Как если бы Джебе скрывался под открытым небом или, возможно, был похоронен на одном кургане.

Абраам Константин Мураджеа д'Оссон смог использовать широкий спектр источников Руси, как и арабских и персидских источников, в своей истории монголов, написанной в первой половине XIX века. Он действительно упоминает эпизод «Новгородской Первой летописи», описывающий захват кыпчаками и убийство «главы передовых частей», но он никогда не сопоставлял его с Джебе-нойоном [18, р. 342]. Ховорт, писавший популярную историю для англоязычных читателей, полагался на «Историю государства Российского» (1816–1826) Николая Михайловича Карамзина в отношении эпизода из кампании, закончившейся битвой на Калке. Описывая изначальное столкнове-

⁴⁰ Бьюэлл не является единственным автором, предположившим, что Джебе, видимо, погиб в бою во время кампании. Интересно, что другой исследователь, работавший с китайскими источниками, полагал, что Джебе был, вероятно, убит в последующей засаде болгар в Поволжье [см.: 28, р. 274].

ние на востоке от Днепра, он просто транслитерировал имя казненного монгольского военачальника как «Намабек», не связывая его с Джебе и не замечая присутствия знатного титула [26, р. 96]. Если мы примем во внимание то огромное влияние, которое д'Оссон, Ховорт и Карамзин оказывали на последующие поколения западных исследователей, можно легко понять причину сохранения склонности не связывать Хамабека с Джебе-нойоном.

Длительная недоступность восточноазиатских источников почти для всех исследователей на Западе, возможно, усугубила эту проблему. «Сокровенное сказание» было «снова открыто» российским архимандритом Палладием в конце XIX века, и небольшие его части стали доступны на русском языке. Это положение изменилось только в середине XX века благодаря переводческой деятельности Эриха Хениша и Поля Пеллио. В отношении китайских источников некоторым авторам можно простить впечатление, что они содержат подробный отчет о смерти Джебе – в исследовательской литературе встречается устойчивое утверждение, несомненно, не основывающееся на каком-либо достоверном источнике, что Джебе умер «от лихорадки» при возвращении из западной кампании [14, р. 31].

То, с чем мы столкнулись в действительности, это умолчание или двусмысленность, окружающие участь Джебе. По существу, он покидает мир деятельности в 1223 году, но всего лишь одним единственным высказыванием в «Сокровенном сказании». Лишь один отчет, встречающийся в «Новгородской Первой летописи», предоставляет яркое описание последних мгновений его жизни, его имя и титул, переданные тюркоязычными посредниками и слегка искаженный рукой летописца. Более того, этот отчет должен был быть написан в течение нескольких лет после самих событий: в самой ранней сохранившейся версии эпизод заканчивается уходом монголов с Руси и их исчезновением в каком-то неизвестном регионе⁴¹. Книжник или книжники не могли представить себе, что приблизительно через 14 лет они вернутся для того, чтобы жестоко подчинить Кыпчакскую степь и княжества Руси.

Посвящение

Эта статья посвящена памяти друга, Джеффа Морриса. Впервые я обсуждал эту историческую проблему с ним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бережков Н.* Хронология русского летописания. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. 376 с.
2. *Ипатьевская летопись / Шахматов А.А. (ред.) // Полное собрание русских летописей. Том II.* СПб.: Типография А.А. Александрова, 1908. xvi с. + 938 стб. + 87 с.
3. *Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Насонов А.Н. (ред.).* М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. 561 с.
4. *Allsen T.T.* Mongol Census Taking in Rus, 1245–1275 // *Harvard Ukrainian Studies.* 1981. No. 5. P. 32–53.
5. *Allsen T.T.* Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237 // *Archivum Eurasiae Medii Aevi.* Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1983. No. 3. P. 5–24.

⁴¹ В соответствующем фрагменте пишется: «Татари же възвратишася от рѣкы Днѣпря; и не съвѣдаемъ, откуда суть пришли и кдѣ ся дѣша опять» [3, с. 63; 29, р. 66].

6. *Atwood C.* The Date of the 'Secret History of the Mongols' Reconsidered // *Journal of Song-Yuan Studies*. 2007. No. 37. P. 1–48.
7. *Atwood C.* The Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts on File, 2004. x + 678 p.
8. *Bak J., Rady M.* (trans.). Master Roger's Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars. Budapest: Central European University Press, 2010. 326 p.
9. *Barthold W.* Turkestan down to the Mongol Invasion. Minorsky T., Bosworth C.E. (trans.). London: Luzac, 1968. 596 p.
10. *Boyle J.* (trans.). Ala al-Din Ata Malik Juvaini, The History of the World Conqueror. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. 763 p.
11. *Bretschneider E.* Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. 2 Vols. London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co. Ltd., 1910. Vol. 1. xii + 334 p.
12. *Brundage J.* (trans.). The Chronicle of Henry of Livonia. Madison: University of Wisconsin Press, 1961. xliii + 288 p.
13. *Buell P.D.* Historical Dictionary of the Mongol Empire. Lanham: Scarecrow Press, 2003. xlv + 335 p.
14. *Chambers J.* The Devil's Horsemen. Edison: Castle Books, 2003. xii + 190 p.
15. *Davis P.* Masters of the Battlefield. Oxford: Oxford University Press, 2013. xiv + 607 p.
16. *de Rachewiltz I.* (ed.). In the Service of the Khan. Wiesbaden: Harrassowitz, 1993. xlv + 763 p.
17. *de Rachewiltz I.* (trans.). The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Leiden: Brill, 2006. cxxvi + 1347 p.
18. *D'Ohsson C.* Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusqu'au Timour Bey ou Tamerlane. 4 Vols. Amsterdam: Van Cleef, 1834. Vol. 1. xivi + 727 p.
19. *Fennel J.* The Crisis of Medieval Russia. New York: Longman, 1983. xiii + 206 p.
20. *Gabriel R.* Subotai the Valiant: Genghis Khan's Greatest General. Norman: University of Oklahoma Press, 2004. xii + 164 p.
21. *Golden P.* Tushi: The Turkic Name of Jochi // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2002. No. 55. P. 143–151.
22. *Grousset R.* The Empire of the Steppes: A History of Central Asia. New Brunswick: Rutgers University Press, 1970. xxx + 687 p.
23. *Habibi A.* (ed.). Minhaj Siraj Juzjani, Tabakat-i-Nasiri. 2 Vols. in 1. Tehran, 1984.
24. *Halperin C.* The Tatar Yoke. Columbus: Slavica Pub, 1986. 231 p.
25. *Houdas O.* (trans.). Histoire du Sultan Djelal ed-din Mankobirti Prince du Kharezm par Mohammed en-Nesawi. Paris: Ernest Leroux, 1895.
26. *Howorth H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. 2 Vols. London: Burt Franklin, 1880. Vol. 1.
27. *Jones S.* (trans.). Kartlis Tskhovreba: A History of Georgia. Tbilisi: Artanuji Publishers, 2014. 443 p.
28. *Martin H.D.* The Rise of Chingis Khan and His Conquest of North China. New York: Octagon Books, 1971. xvii + 360 p.
29. *Michell R., Forbes N.* (trans.). The Chronicle of Novgorod 1016–1471. London: Camden Society, 1914. xliii + 237 p.
30. *Nesawi M.* History of Sultan Jalal al-Din Mankobirti or Tarikh-e Jalali. Tehran, 1945.
31. *Nicolle D., Shpakovsky V.* Kalka River 1223. Oxford: Osprey Military, 2001. 96 p.
32. *Olbricht P., Pinks E.* (eds.). Meng-ta Pei-lu und Hei-ta shih-l'ueh: Chinesische Gesandtenberichte über die Frühen Mongolen 1221 und 1237. Wiesbaden: Harrassowitz, 1980. 264 s.
33. *Painter G.* (trans.). The Tatar Relation // The Vinland Map and the Tartar Relation / Skelton R. et al. (ed.). New Haven: Yale University Press, 1995. P. 75–101.

34. *Pelliot P., Hambis L.* (trans.). *Histoire des Campagnes de Gengis Khan, Cheng-wou ts'in-tcheng lou*. Leiden: Brill, 1951. xxvii + 485 p.
35. *Perfecky G.* The Hypatian Codex, Part II: The Galician-Volynian Chronicle. *Harvard Series in Ukrainian Studies* 16:2. Munich, 1973. 159 p.
36. *Qazvini M.* *Alā'-al-Din 'Aṭā-Malek Jovayni, Tariḫ-e jahāngošāy*. Tehran, 2012.
37. *Ratchnevsky P.* *Genghis Khan: His Life and Legacy*. Oxford: Oxford University Press, 1991. 328 p.
38. *Raušan M., al-Mūsawī M.* (eds.). *Rašīd-ad-Dīn Faḍlallāh, Ġāmi' at-tawārīḫ*. Tihṛān, 1994–1995. Vol. 1.1.
39. *Raverty G.* (trans.). *Minhaj Siraj Juzjani, Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia*. London, 1881.
40. *Richards D.S.* (trans.). *Ibn al-Athir, The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kamil fi'l-ta'riḫ. Part 3: The Years 589–629/1193–1231: The Ayyubids after Saladin and the Mongol Menace*. Aldershot: Ashgate, 2008. viii + 331 p.
41. *Song Lian 宋濂*. *Yuan Shi 元史 [History of Yuan Dynasty]*. Beijing: Zhong Hua Book Company, 1976.
42. *Szentpétery I.* *Scriptores rerum hungaricarum tempore ducum regumque stirpis arpadianae gestarum*. 2 Vols. Budapestini: Academia litter. hungarica atque Societate histor. hungarica in parten impensarum venietibus, typographiae Reg. universitatis litter. hung. sumptibus, 1937–1938. Vol. 2. 681 p.
43. *Thackston W.* (trans.). *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u'tawarikh: Compendium of Chronicles*. Cambridge: Harvard University Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1999.
44. *Thomson R.* (trans.). *The Historical Compilation of Vardan Arewelc'i // Dumbar-ton Oaks Papers*. 1989. No. 43. P. 141–224.
45. *Uhrin D.* *Kutyafejűek és marhalábúak. Mongol törzsnevek a Historia Tartarorumban // Világtörténet*. 2015. No. 37. O. 43–59.
46. *Yamaguchi I.* *The First Raid of Mongols on Russia // 鳥取環境大学紀要 [Tottori Kankyō Daigaku Kiyō]*. 2003. P. 1–11.
47. *Zenkovsky S., Zenkovsky B.* (trans.). *The Nikonian Chronicle*. 4 Vols. Princeton: Princeton University Press, 1984–1989. Vol. 2. xxxix + 332 p.
48. *Pow S.* *The Last Campaign and Death of Jebe Noyan // Journal of the Royal Asiatic Society*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2017. Vol. 27. Is. 1. P. 31–51.

Сведения об авторе: Стивен Поу – докторант Отдела средневековых исследований Центрально-Европейского университета, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8804-0397> (Nádor utca 9, 1051 Budapest, Hungary). E-mail: Pow_Stephen@phd.ceu.edu

Поступила 23.08.2017 Принята к публикации 16.11.2017

Опубликована 29.12.2017

Dedication

This paper is dedicated to the memory of a friend, Jeff Morris. I first discussed this historical problem with him.

REFERENCES

1. Berezkhov N. *Khronologiya russkogo letopisaniya* [Chronology of Russian Chronicles' Writing]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1963. 376 p. (In Russian)
2. Ipat'evskaya letopis' [Hypathian Chronicle]. Shakhmatov A.A. (red.). *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Tom II [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2]. Saint Petersburg, Tipografiya A.A. Aleksandrova, 1908. xvi p. + 938 cols. + 87 p. (In Russian)

3. *Novgorodskaya Pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [Novgorod First Chronicle according to the Oldest and Younger Transcripts]. Nasonov A.N. (red.). Moscow–Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1950. 561 p. (In Russian)
4. Allsen T.T. Mongol Census Taking in Rus, 1245–1275. *Harvard Ukrainian Studies*. 1981. No. 5, pp. 32–53.
5. Allsen T.T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1983. No. 3, pp. 5–24.
6. Atwood C. The Date of the 'Secret History of the Mongols' Reconsidered. *Journal of Song-Yuan Studies*. 2007. No. 37, pp. 1–48.
7. Atwood C. *The Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire*. New York, Facts on File, 2004. x + 678 p.
8. Bak J., Rady M. (trans.). *Master Roger's Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars*. Budapest, Central European University Press, 2010. 326 p.
9. Barthold W. *Turkestan down to the Mongol Invasion*. Minorsky T., Bosworth C.E. (trans.). London, Luzac, 1968. 596 p.
10. Boyle J. (trans.). *Ala al-Din Ata Malik Juvaini, The History of the World Conqueror*. Cambridge, Cambridge University Press, 1958. 763 p.
11. Bretschneider E. *Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources*. 2 Vols. London, Kegan Paul, Trench, Trübner & Co. Ltd., 1910. Vol. 1. xii + 334 p.
12. Brundage J. (trans.). *The Chronicle of Henry of Livonia*. Madison, University of Wisconsin Press, 1961. xliii + 288 p.
13. Buell P.D. *Historical Dictionary of the Mongol Empire*. Lanham, Scarecrow Press, 2003. xlv + 335 p.
14. Chambers J. *The Devil's Horsemen*. Edison, Castle Books, 2003. xii + 190 p.
15. Davis P. *Masters of the Battlefield*. Oxford, Oxford University Press, 2013. xiv + 607 p.
16. de Rachewiltz I. (ed.). *In the Service of the Khan*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1993. xlv + 763 p.
17. de Rachewiltz I. (trans.). *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Leiden, Brill, 2006. cxxvi + 1347 p.
18. D'Ohsson C. *Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlane*. 4 Vols. Amsterdam, Van Cleef, 1834. Vol. 1. xivi + 727 p. (In French)
19. Fennel J. *The Crisis of Medieval Russia*. New York, Longman, 1983. xiii + 206 p.
20. Gabriel R. *Subotai the Valiant: Genghis Khan's Greatest General*. Norman, University of Oklahoma Press, 2004. xii + 164 p.
21. Golden P. Tushi: The Turkic Name of Jochi. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2002. No. 55, pp. 143–151.
22. Grousset R. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia*. New Brunswick, Rutgers University Press, 1970. xxx + 687 p.
23. Habibi A. (ed.). *Minhaj Siraj Juzjani, Tabakat-i-Nasiri*. 2 Vols. in 1. Tehran, 1984. (In Persian)
24. Halperin C. *The Tatar Yoke*. Columbus, Slavica Pub, 1986. 231 p.
25. Houdas O. (trans.). *Histoire du Sultan Djelal ed-din Mankobirti Prince du Kharezm par Mohammed en-Nesawi*. Paris, Ernest Leroux, 1895. (In French)
26. Howorth H. *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century*. 2 Vols. London, Burt Franklin, 1880. Vol. 1.
27. Jones S. (trans.). *Kartlis Tskhovreba: A History of Georgia*. Tbilisi, Artanuji Publishers, 2014. 443 p.
28. Martin H.D. *The Rise of Chingis Khan and His Conquest of North China*. New York, Octagon Books, 1971. xvii + 360 p.

29. Michell R., Forbes N. (trans.). *The Chronicle of Novgorod 1016–1471*. London, Camden Society, 1914. xliii + 237 p.
30. Nesawi M. *History of Sultan Jalal al-Din Mankobirti or Tarikh-e Jalali*. Tehran, 1945.
31. Nicolle D., Shpakovsky V. *Kalka River 1223*. Oxford, Osprey Military, 2001. 96 p.
32. Olbricht P., Pinks E. (eds.). *Meng-ta Pei-lu und Hei-ta shih-l'ueh: Chinesische Gesandtenberichte über die Frühen Mongolen 1221 und 1237*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1980. 264 p. (In German)
33. Painter G. (trans.). The Tatar Relation. *The Vinland Map and the Tartar Relation*. Skelton R. et al. (ed.). New Haven: Yale University Press, 1995, pp. 75–101.
34. Pelliot P., Hambis L. (trans.). *Histoire des Campagnes de Gengis Khan, Cheng-wou ts'in-tcheng lou*. Leiden, Brill, 1951. xxvii + 485 p. (In French)
35. Perfecky G. *The Hypatian Codex, Part II: The Galician-Volynian Chronicle*. Harvard Series in Ukrainian Studies 16:2. Munich, 1973. 159 p.
36. Qazvini M. *Alā'-al-Din 'Atā-Malek Jovayni, Tariḫ-e jahāngošāy*. Tehran, 2012. (In Persian)
37. Ratchnevsky P. *Genghis Khan: His Life and Legacy*. Oxford, Oxford University Press, 1991. 328 p.
38. Raušan M., al-Mūsawī M. (eds.). *Rašīd-ad-Dīn Faḍlallāh, Ġāmi' at-tawārīḫ*. Tihṙān, 1994–1995. Vol. 1.1. (In Persian)
39. Raverty G. (trans.). *Minhaj Siraj Juzjani, Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia*. London, 1881.
40. Richards D.S. (trans.). *Ibn al-Athir, The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kamil fi'l-ta'rikh*. Part 3: *The Years 589–629/1193–1231: The Ayyubids after Saladin and the Mongol Menace*. Aldershot, Ashgate, 2008. viii + 331 p.
41. Song Lian 宋濂. *Yuan Shi 元史* [History of Yuan Dynasty]. Beijing, Zhong Hua Book Company, 1976. (In Chinese)
42. Szentpétery I. *Scriptores rerum hungaricarum tempore ducum regumque stirpis arpadianae gestarum*. 2 Vols. Budapestini, Academia litter. hungarica atque Societate histor. hungarica in parten impensarum venietibus, typographiae Reg. universitatis litter. hung. sumptibus, 1937–1938. Vol. 2. 681 p. (In Latin)
43. Thackston W. (trans.). *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u'tawarikh: Compendium of Chronicles*. Cambridge, Harvard University Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1999.
44. Thomson R. (trans.). The Historical Compilation of Vardan Arewelc'i. *Dumbarton Oaks Papers*. 1989. No. 43, pp. 141–224.
45. Uhrin D. Kutyafejűek és marhalábúak. Mongol törzsnevek a Historia Tartarorumban. *Világtörténet*. 2015. No. 37, pp. 43–59. (In Hungarian)
46. Yamaguchi I. The First Raid of Mongols on Russia. 鳥取環境大学紀要 [Tottori Kankyō Daigaku Kiyō]. 2003, pp. 1–11.
47. Zenkovsky S., Zenkovsky B. (trans.). *The Nikonian Chronicle*. 4 Vols. Princeton, Princeton University Press, 1984–1989. Vol. 2. xxxix + 332 p.
48. Pow S. The Last Campaign and Death of Jebe Noyan. *Journal of the Royal Asiatic Society*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2017. Vol. 27. Is. 1, pp. 31–51.

About the author: Stephen Pow – M.A. (History), PhD Candidate, Department of Medieval Studies, Central European University, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8804-0397> (Nádor utca 9, 1051 Budapest, Hungary). E-mail: Pow_Stephen@phd.ceu.edu

Received August 23, 2017 Accepted for publication November 16, 2017
Published December 29, 2017